

ЮЛИЯ АРАПОВА
ОЛЬГА РАЗУМНАЯ

БУДНИ ГКБ

РАЗРЕЗ
ПО ПФАННЕНШТИЛЮ

✚
Приемный
покой

**Юлия Арапова
Ольга Разумная
Будни ГKB. Разрез
по Пфанненштилю
Серия «Приемный покой»**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449021

*Арапова, Юлия Будни ГKB. Разрез по Пфанненштилю : АСТ; Москва;
2013*

ISBN 978-5-17-077315-2

Аннотация

Городская клиническая больница Москвы имеет свои тайны. Особенно ее гинекологическое отделение, где волею случая встречаются четыре женщины, каждая со своей непростой историей. Но главная загадка – сложный диагноз, который может решить судьбу целой семьи. Кто угадает, а кто совершит медицинскую ошибку?

Перед вами диагностический триллер, не уступающий по напряженности самым популярным медицинским бестселлерам.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	40
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юлия Арапова, Ольга Разумная Будни ГКБ. Разрез по Пфанненштилю

Пролог

Ржавый шпингалет не поддавался, но она не оставляла попыток, а дергала еще и еще. Здравый смысл кричал: «Стой! Пока не поздно – остановись!» – но ее будто что-то жгло изнутри и заставляло все сильнее тянуть на себя ручку. Вдруг замок глухо щелкнул, окно скрипнуло и распахнулось настежь. Небо, ночное звездное небо было так близко, что, казалось, можно дотянуться до него рукой. Высота манила и звала к себе. Захотелось прыгнуть, раствориться в ней, стать ее крошечной частичкой, чтобы дальше – только покой и тишина... Она подняла голову к небу, раскинула руки, словно крылья, и легкий ветерок тут же подхватил подол ее сорочки. Еще секунда – и она свободна...

Глава 1

Соседки по несчастью

Путаясь в полах длинной, надетой впопыхах юбки, Леля бежала по центральной аллее запущенного, давно не видевшего рук садовника парка городской больницы, куда пару часов назад карета «скорой помощи» доставила ее лучшую подругу Варю Воронцову. «Зачем ГКБ, ну почему именно ГКБ? – твердила она вслух, не обращая внимания на насто-роженные взгляды идущих навстречу прохожих. – Ведь мож-но было просто поднять трубку и позвонить мне, я связалась бы с соседом Лёвой, в своей клинике он не последний че-ловек, – и пожалуйста, никаких проблем... Лежи себе в од-номестной палате, под наблюдением самого заведующего от-делением. Читай книжки, смотри телевизор и не трясись от страха перед тем, что легкомысленная медсестра вколет тебе по ошибке лекарство престарелой соседки, а молодой орди-натор перепутает снимки. Так ведь нет! Она, видите ли, гор-дая! Никогда не идет на примирение первой... Стоп! – От неожиданно пришедшей в голову мысли Леля даже остано-вилась. – А что, если у нее просто не было возможности по-звонить?.. Вдруг дела гораздо хуже, чем говорит Лиза? Ко-нечно, она же еще совсем девчонка, что она может знать. – На глаза навернулись слезы. – Нет, – скомандовала себе Оль-

га, – не раскисать и не нагонять страху заранее. Все будет хорошо, я чувствую, я всегда все чувствую!» И прибавив шагу, Ольга Погодина решительно устремила к центральному входу Городской клинической больницы, или ГКБ, как все ее называли. С силой толкнув тяжелую железную дверь, она оказалась в просторном, пропахшем карболкой и лекарствами холле.

– Извините! – Ольга практически разбудила дремавшего на посту охранника. – А как можно найти...

– Мы тут справок не даем, – проворчал молодой, вихрастый парень, внешне сильно напоминающий студента-пятикурсника, – в справочную идите, – и, кивнув куда-то в сторону, он снова погрузился в дрему.

Проследив за его взглядом, Ольга невольно выругалась:

– О черт, откуда столько народу?! У вас тут что, день открытых дверей?

– Хуже, – не открывая глаз, ухмыльнулся охранник, – часы посещения.

– Ясно! Придется обходиться своими силами, тем более что информации у меня более чем достаточно. Осталось только найти вторую гинекологию...

– Четвертый этаж направо, – проявил неожиданное человеколюбие парень. – Да бахилы наденьте, а то тормознут на входе.

– Бахилы? – Леля растерянно поглядела на стража порядка.

– Вот люди пошли! Никакого понятия о санитарии, будто не в больницу идут, а в театр. – Продолжая незлобно ворчать себе под нос, охранник полез в нижний ящик тумбочки и извлек на свет пару ядовито-синих изрядно пожеванных бахил. – Держите. Первый раз небось?

– Ага, спасибо вам большое, – кивнула Леля, натягивая на изящные лодочки шуршащие пакетики. Сунув в предусмотрительно незакрытый ящик сто рублей, она поспешила к лестнице.

Поднявшись на четвертый этаж, она оказалась в длинном, плохо освещенном больничном коридоре. «Ну, вот и вторая гинекология, теперь дело за малым – узнать номер палаты», – только и успела подумать Ольга, как в дальнем конце коридора показалась хорошо знакомая фигура, облаченная в бесформенный больничный халат. Варвара шла медленно, тяжело передвигая ноги, в левой руке она несла стакан воды, а правой поддерживала низ живота.

– Варька! – Леля бегом бросилась к подруге: – Варенька! Ну слава богу, я тебя нашла! Как ты, моя хорошая? Разве тебе можно вставать? Давай помогу дойти до палаты, – затараторила она.

– Не надо, сама справлюсь. – Варвара слабо оттолкнула протянутую руку. – Как ты узнала, что я здесь?

– Лиза позвонила.

– Вот ведь болтушка, – недовольно покачала головой Варвара, – просила же держать язык за зубами. Пусть только

придет, я ей устрою.

– О чем ты говоришь?! Она же испугалась за тебя! Девочка хотела как лучше!

– Как лучше! – Варвара презрительно фыркнула и попыталась ускорить шаг, но внезапно охнула и, схватившись за живот, начала медленно оседать на пол.

– Что, плохо? Врача? – вцепившись обеими руками в чуть живую подругу, заметалась Леля. – Да куда ж они все запропастились?! Эй! Кто-нибудь! – Не отпуская свою драгоценную ношу, Леля отчаянно крутила головой, однако по закону подлости никого из медицинского персонала не видела.

– Да не суетись ты! – немного отдышавшись, процедила сквозь зубы Варвара. – Просто помоги дойти до палаты, мне надо прилечь.

Палата номер восемь находилась в противоположном конце коридора, прямо напротив ординаторской. «Это хорошо, – невольно отметила про себя Леля, – случись что ночью, врачи успеют добежать... Кстати о врачах...»

– Варь, а как зовут твоего доктора?

– Тебе зачем?

– Как зачем? – Ольга с недоумением взглянула на подругу. – Просто хочу поговорить, как это обычно делают все родственники, удостовериться в ее компетентности... Может, лекарства какие нужны или консультация профессора; ты же знаешь, Лева...

– Ничего не нужно! – Варвара с раздражением выдернула

руку и толкнула дверь в палату. – Вообще мне уже лучше, иди домой...

Пропустив мимо ушей явную грубость, Леля последовала за ней и, уложив недовольную Варьку в постель, примостилась рядом на стареньком колченогом стуле, который жалобно постанывал при каждом ее движении. «Как же такое могло произойти? – с тоской думала она, не сводя глаз с бледного осунувшегося лица лучшей подруги. – Как могла мелкая, на первый взгляд совершенно незначительная размолвка перерасти в серьезную, затянувшуюся на несколько месяцев ссору? Ведь раньше мы никогда не ругались, ну разойдемся по разным углам, помолчим денек-другой, а потом встречаемся как ни в чем не бывало, ни тебе долгих разборок, ни душещипательных выяснений того, кто прав, а кто виноват...» Почему же на этот раз безобидно начавшийся спор о воспитании детей матерями-одиночками Варвара приняла слишком близко к сердцу и, обвинив Ольгу в черствости и бездушии, объявила ей настоящий бойкот? Леля, предприняв несколько безуспешных попыток примириться, тоже закусила удила и перестала осаждать подругу звонками и визитами, здраво рассудив: она сделала все от нее зависящее и теперь Варькина очередь идти на мировую. И кто знает, сколько еще длилось бы это никому не нужное противостояние, если бы не сегодняшнее происшествие. Услышав в телефонной трубке взволнованный голос Лизы: «Тетя Лелечка, маме плохо, ее только что забрала «скорая», сказали, что

повезут в ГКБ», Ольга мгновенно забыла обо всех обидах и помчалась в больницу. И вот теперь, сидя на казенном стуле перед впавшей в дрему подругой, она ругала себя на чем свет стоит за ребяческую гордость и непонятно откуда взявшееся упрямство.

– Вы бы сумочку разобрали, а то, глядишь, испортится все. Эй, девушка! Слышите меня? В коридоре холодильник есть, можете пользоваться.

В первый момент Ольга даже не сообразила, что эти слова адресованы ей. Однако пронзительный женский голос, доносившийся откуда-то сзади, вывел ее из состояния задумчивости и вернул в реальность. Леля растерянно оглянулась.

– Это вы мне?

– Конечно, вам, кому ж еще. – Приветливая темноволосая женщина добродушно улыбнулась и указала пальцем на пакет с продуктами, которые Леля второпях купила в близлежащем магазине. – Про передачку-то небось забыли?

– Точно, совершенно из головы вылетело. – Ольга с благодарностью посмотрела на соседку Варвары по палате. Той было лет тридцать-тридцать пять, небольшого роста, крепенькая, слегка полноватая брюнетка с острым носиком, карими хитрыми глазами и стрижкой каре; она явно изнывала от скуки и была не прочь побеседовать.

– Я так и подумала. А здесь без продуктов никак нельзя. Кормят, между нами говоря, отвратительно, и если бы не передачи из дома, мы тут на местных харчах давно бы ноги

протянули. Лечить было бы некого. — Она весело захихикала, видимо, скудный рацион питания не сильно омрачал ее существование. — Зато тут врачи хорошие, не то что в новомодных медицинских центрах, куда только по благу устраиваются, сюда люди по зову сердца приходят работать, а не за длинным рублем.

Согласно кивая, Леля медленно пробиралась к дверям, держа в руках пакет с продуктами.

— Ой, что же это я! — спохватилась не в меру говорливая дама. — Совсем вас заболтала. Это все от дефицита общения, больно соседки мне неразговорчивые попались. Холодильник налево по коридору, рядом со столовой. Да не стесняйтесь там, двигайте чужие пакеты, а то разложатся на целую полку, как у себя дома.

Когда спустя пару минут Леля вернулась в палату, женщина уже причесалась, заправила кровать и, сидя поверх одеяла, всем своим видом показывала, что готова продолжать разговор.

— Меня Катя зовут, Катерина Семенова, — тут же выпалила она, как только Ольга, с сожалением взглянув на спящую подругу, опустилась на скрипящий стул. — Диагноз — первичное бесплодие. Я тут, можно сказать, старожил, почти две недели «отдыхаю». А вы, простите мое любопытство, Варваре кто — родственница?

— Нет, подруга.

— Подру-у-уга! Везет же людям! А ко мне только мама хо-

дит да муж, когда в ночную не работает. Но я не жалуюсь, хорошо хоть так! Вон Ксюха третий день как поступила, – Катя кивнула в сторону стоящей напротив кровати, на которой лицом к стене лежала крупная светловолосая девушка в стареньком фланелевом халате, – а к ней только разочек какая-то фифа забежала и то с пустыми руками, пакетик сока прихватила бы или шоколадку на худой конец... Хотя чему я удивляюсь, странно другое – зачем она вообще Ксюху навещала...

– А почему странно? – не удержалась от любопытства Леля.

– Так не родственница она ей и на подругу не тянет – другого поля ягода. Ксюха девушка простая, судя по всему, небогатая, а дама та разодета была в пух и прах, все шмотки фирменные – поверь, я знаю о чем говорю. В ушах бриллианты с мой кулак, и духами от нее какими-то сладкими несло так, что нам потом пришлось палату проветривать.

– Мало ли какие у людей могут быть общие дела, – дипломатично заметила Ольга, косясь на неподвижно лежащую блондинку и чувствуя страшную неловкость от того, что они обсуждают человека в его же присутствии. – Может, это ее дальняя родственница или просто хорошая знакомая.

– Да какие там общие дела! – отмахнулась Катерина и, понизив голос до шепота, добавила: – Ксюху всю аж затрясло при ее появлении, села на кровати, набычилась и угрюмо так говорит: «Я, Маргарита Владимировна, обсуждать это с ва-

ми не хочу и не буду и прошу по этому вопросу меня больше не беспокоить!» О как! Отвернулась к стенке и молчок. Ну, та фифа поерзала на стуле немножко, повздыхала и убралась восвояси. Вот чует мое сердце, дело тут нечисто... Ксюха-то не москвичка, от нее за версту периферией папахивает, небось все родственники где-нибудь в Тмутаракани, такую каждый обидеть может. Но любопытно, что от нее могло понадобиться этой расфуфыренной тетке...

– А это чье место? – Стараясь перевести разговор с неловой темы, Леля кивнула в сторону четвертой кровати. Она была идеально заправлена и даже застелена клетчатым домашним пледом, и только стопка глянцевого журнала да букетик ярких астр на тумбочке выдавали присутствие еще одной пациентки.

– Здесь Лерочка Троепольская лежит, хорошая девочка, скромная, вежливая, сразу видно – из приличной семьи, и муж у нее такой видный. Вон вчера приходил, цветочки принес, продуктов целый пакет, заботливый, одним словом, сейчас таких мало. Мужики все больше тунеядцы да лентяи пошли, им бы за юбку нашу спрятаться и сидеть как у Христа за пазухой. Только здоровьем Лерочка слабая. Все лечится, лечится, а толку чуть... Вчера вечером опять температура под тридцать восемь, слабость, тошнота, боли в животе. Я ей говорю: может, сглазил кто, чем без разбору лекарства глотать, лучше к колдунье сходи или бабку-знахарку пусть родственники поищут, а она только смеется да руками машет.

«Ерунда все это, – говорит, – глупости и суеверия». Молодая еще, настоящей жизни не нюхала. Вот вы... извините, не знаю, как по имени-отчеству...

– Можно просто Оля.

– Вот вы, Оля, в порчу верите?

– Честно говоря, не очень, – виновато улыбнулась Леля и, бросив быстрый взгляд на подругу, с тоской подумала: «За что я-то страдаю, зачем ввязалась в беседу с этой не в меру любопытной дамой? На моем месте должна быть Варька, они быстро нашли бы общий язык с любительницей мистики, а в свободное от лечения время еще бы и клуб по борьбе с порчей организовали».

– А вот я верю! – с легким вызовом произнесла Катерина. – И в сглаз верю, и в порчу, и к бабкам хожу, и к ясновидящим, и знаете что я вам скажу...

Но договорить она не успела. На Лелино счастье дверь тихо скрипнула, и в палату впорхнула тоненькая хрупкая девушка. Густая копна пшеничных волос, обрамлявшая ее худенькое миловидное личико, была растрепана, огромные светло-серые глаза смотрели испуганно, она дышала тяжело, будто только что пробежала стометровку. Окинув быстрым взглядом комнату, девушка выпалила:

– Кать, а Вадик еще не приходил?

– Успокойся, не было твоего Вадика! А ты чего запыхалась, опять летела как угорелая? Небось лифта не дождалась и по лестнице пешком?

– Ага, пешком, – смущенно улынулась Валерия, – просто Вадик терпеть не может ждать...

– Правильно, давай-давай, бегай, а придет вечер – снова будешь лежать без сил и стонать от боли! Врачи и так в толк взять не могут, что с тобой происходит, а ты!.. – Катерина раздраженно махнула рукой и ехидно добавила: – Ничего с твоим драгоценным Вадиком не случилось бы, подождал бы минут десять, не развалился. Вот все про тебя Ульяне Михайловне расскажу. Она сегодня весь день на операциях, но перед уходом обещала заглянуть.

– Ульяна Михайловна? – Услышав знакомое имя, Ольга оживилась: – А ее фамилия случайно не Караваева?

– Точно, Караваева! Вы что, знакомы с нашим доктором?

– Все может быть! – Леля загадочно улынулась и пробормотала себе под нос: – Не устаю удивляться, насколько тесен мир! Любопытно, узнает ли она меня через столько лет...

Глава 2

Второе гинекологическое отделение

Не знаю, как в остальных отделениях Городской клинической больницы, но во второй гинекологии демократией и не пахло, тут царила полная и безраздельная монархия. Вот уже более двадцати лет во главе этого небольшого, но вполне самостоятельного государства стоял кандидат медицинских наук, врач высшей категории Борис Францевич Нейман. Все, что происходило в его вотчине, он держал под строжайшим и неусыпным контролем. Ни одна мало-мальски серьезная операция не обходилась без его консультации, ни одно важное решение не принималось без совета с «папой», как за глаза называли завождением его подчиненные, то ли намекая на умудренного опытом главу семейства, то ли проводя аналогию с папой римским. А развернуться Борису Францевичу было где, его беспокойное хозяйство занимало весь четвертый этаж второго корпуса, насчитывало семьдесят коек и имело свой оперблок, в состав которого входили плановая, экстренная, малая и гистероскопическая операционные. Помимо этого на протяжении многих лет второе гинекологическое отделение являлось клинической базой Московского государственного медицинского университета, благодаря

чему господин Нейман имел редкую возможность пропускать через свои руки тысячи студентов-медиков и выискивать среди них подлинные жемчужины. Своих любимчиков Борис Францевич пестовал, холил и лелеял вплоть до получения диплома, а затем устраивал к себе в ординатуру. Возможно, Нейман и не был талантливым педагогом и чутким наставником, однако он являлся предприимчивым человеком и дальновидным руководителем, что позволило ему собрать в своем отделении сильнейший медицинский состав. Во второй гинекологии не было текучки кадров, от Неймана не уходили, ему доверяли, именно к нему устраивали на лечение друзей, родственников и знакомых. Это льстило самолюбию Бориса Францевича, а главное, обеспечивало бесперебойное поступление денежных средств в кассу этого отделения ГКБ.

Кандидат медицинских наук, врач высшей категории Ульяна Михайловна Караваева также попала во вторую гинекологию в числе любимчиков доктора Неймана. И как обычно, Борис Францевич не прогадал. К тридцати пяти годам из подающей надежды студентки Караваева превратилась в опытного, пытливого, а главное – внимательного к деталям врача.

– Помните, в нашей профессии не бывает мелочей, – из года в год твердила она своим интернам, которые с ленцой относились к заполнению истории болезни. – Детские инфекции, перенесенные ранее полостные операции, аборт,

пищевые аллергии, аллергии на лекарства, все это – ценнейшая информация, которая впоследствии может помочь вам поставить верный диагноз. Поверьте моему опыту: часто причина бесплодия женщины кроется как раз в ее прошлом, и, только найдя эту причину, мы сможем помочь пациентке.

Помимо лечебной работы Ульяна Михайловна активно занималась и научной деятельностью. Не так давно она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Негормональная регуляция менструальной функции у женщин репродуктивного возраста с дисфункциональными маточными кровотечениями». За долгие годы работы в стационаре материалов накопилось столько, что впору было садиться за докторскую. Однако подумав немного, Караваева здраво рассудила: не ученая степень делает женщину счастливой, и прежде чем бросаться на покорение вершин науки, неплохо бы разобраться с личной жизнью. А как раз личная жизнь у Ульяны Караваевой что-то никак не ладилась. К тридцати пяти годам она оставила в прошлом неудачный брак с однокурсником и несколько ничем не закончившихся романов, а в настоящем имела страстное желание обзавестись семьей и ребенком.

– Ты, Улька, какая-то несовременная, честное слово, – вот уже в который раз твердила ей Галка Полякова, опытная сердцеедка их отделения. – Или, может, ты принца ждешь на белом коне? Пойми, дуреха, все твои принцы давно обзавелись женами, детьми и любовницами и спокойненько по-

леживают себе на мягких диванах с бутылкой пива в одной руке и пультом от телика в другой. Так что, подруга, слушай более опытного товарища, снимай с глаз розовые очки, пора реально взглянуть на окружающую действительность. Чай, уже не шестнадцать...

– Отстань, Галка, – вяло отмахнулась от советчицы Ульяна, – дай хоть минутку посидеть в тишине, ноги гудят и голова раскалывается. С утра была плановая резекция яичников, а только что – экстренная внематочная.

– Резекция у Колывановой? Все-таки поликистоз?

– Ага, пункция подтвердила.

– Вот черт! Совсем ведь баба молодая. – Галка скинула туфли и с удовольствием потянулась. – Да я сама со вчерашнего утра как белка в колесе, даже не помню, когда ела в последний раз. Сейчас посижу с тобой минутку, потом к «папе» на два слова и домой, спать...

Уля с подругой расположились на стареньком диване в ординаторской. Тихо работало радио, монотонный голос диктора навевал сон, но, несмотря на усталость и бессонное ночное дежурство, Галка решила использовать эти редкие минуты затишья для пользы дела и завела с Ульяной их обычный, ничем не заканчивающийся разговор.

– Итак, вернемся к нашему вопросу. От тебя я не отстану, даже не надейся, не чужой человек все-таки и не могу спокойно смотреть, как ты теряешь драгоценное время со своим Стасиком. – Галина брезгливо поморщилась. Так она делала

всякий раз при упоминании Станислава Петровича Макеева, анестезиолога ГКБ, с которым у Ульяны вот уже больше года тянулся вялый, безрадостный роман. – Пойми, такие, как Макеев, не женятся, потому что как огня боятся любых посягательств на их свободу и личное пространство. Он будет с тобой встречаться, спать, изредка дарить подарки, но предложения руки и сердца ты не дождешься от него никогда!

– И откуда у тебя, Галка, такие богатые познания в мужской психологии? – печально усмехнулась Ульяна. – Прямо не гинеколог, а дипломированный психотерапевт. Может, пора подумать о смене специализации? Говорят, им платят больше.

– За меня не волнуйся, мне и гинекологом неплохо живется, – совсем не обиделась на колкость Галка.

Галина Андреевна Полякова была на три года младше Ульяны, однако в отличие от менее удачливой подруги имела полный комплект, необходимый, на ее взгляд, любой уважающей себя женщине. У нее был добрый интеллигентный муж, работающий менеджером по продажам в крупной фармацевтической фирме, двое прекрасных детей, трехкомнатная квартира в спальном районе, а для души – молодой, не обремененный никакими обязательствами любовник. Во второе гинекологическое отделение Галочка попала по благу, сюда ее устроил бывший научный руководитель, а по совместительству хороший друг и бывший однокашник ее папы – к слову сказать, профессора, доктора медицинских на-

ук. Нейман терпеть не мог блага и, как его следствие, академических деток, которые, чувствуя свою защищенность, когтей не рвали и редко становились хорошими врачами. Однако Галочка явилась редким исключением. В коллективе она прижилась быстро, трудилась наравне со всеми, носа не задирала, своим высокопоставленным папой не кичилась, одним словом, знала свое место. Не прошло и пары лет, как Борис Францевич позабыл, каким путем попала в его отделение эта милая, обаятельная хохотушка с ямочками на щеках и очаровательно вздернутым носиком.

– Нет, ну Уль, посуди сама, – продолжала Галка, – твой Стасик – законченный эгоист, живет в свое удовольствие, тратит весьма скромную зарплату на себя любимого... Что он там коллекционирует, какие-то игрушки?

– Солдатики!

– О! – Галина страдальчески закатила глаза. – Солдатики! Достойное занятие для взрослого мужчины. А эта его дурацкая манера повсюду ходить с плеером... Тоже мне, меломан нашелся. Не думаю, что он там Чайковского или Баха слушает, небось попсу гоняет или, что еще хуже, шансон!

– Нет, Гал, – встала на защиту любовника Ульяна, – он рок любит, «Nazareth», «Uriah Heep», «Led Zeppelin».

– Да ты, я гляжу, поднаторела! Хорошо, пусть рок. И вот представляешь, в этой спокойной, размеренной жизни, украшенной оловянными солдатами и озвученной роковой какофонией «Led Zeppelin», появляется Жена! Она начинает

предъявлять бедному Стасику претензии, требовать от него внимания, денег, помощи по дому, а если, не приведи господь, пойдут дети... – Галина картинно схватила за голову. – Ну что, продолжать, или сама знаешь, чем закончится эта страшная история?

– Тебя, Галь, послушать, так мне вообще в монастырь уходить пора!

– Зачем в монастырь, не надо в монастырь... ну разве что в мужской, – ехидно ухмыльнулась Галка, а потом серьезным тоном добавила: – Тебе ребеночка родить надо, для себя, на старость, так сказать, чтобы было кому пресловутый стакан воды подать... А мужик... мужик – он что? Если порядочный встретится, так и с ребеночком возьмет...

– Ничего не получится, – подняв на подругу грустные глаза, Ульяна обреченно вздохнула, – Стас детей не хочет и этот момент бдит так, что мышь не проскочит, такое ощущение, что он даже зубы ходит чистить с презервативом в кармане.

– Кто сказал, что мы будем рожать от Макеева?! – возмутилась Галина. – Нет, нам не нужен этот махровый эгоист, нашему малышу мы подберем более достойного папашу. Вот что ты, например, думаешь...

Вдруг дверь в ординаторскую с шумом распахнулась, и на пороге появился Никита Владимирович Изюмов, штатный хохмач и балагур, который не переставал травить анекдоты, даже удаляя кисту яичника или проводя эмболизацию маточных артерий при миоме матки. Лицо его освещала широ-

кая улыбка.

– Ники! Ты как раз вовремя, проходи! – Оживившись, Галина начала подавать подруге какие-то странные знаки. – Не стой как пень, садись, скрась одиночество двум симпатичным девушкам.

Первые несколько секунд Ульяна непонимающе смотрела на Галину, которая неожиданно начала вести себя крайне странно. Сперва она сложила руки на груди и сделала вид, что качает младенца, а затем принялась отчаянно подмигивать Ульяне то одним, то другим глазом.

– Галка! Ты совсем рехнулась! – Ульяна покрутила указательным пальцем у виска и, зажав рот рукой, прыснула со смеху. До нее наконец-то дошли намеки подруги. Но идея родить ребенка от Изюма – так в отделении называли Никиту – показалась ей настолько нелепой, что удержаться от хохота не было никаких сил. Вскоре к ней присоединилась Галина. Откинувшись на спинку дивана, они залились веселым беззаботным смехом.

Наконец Ульяна взяла себя в руки, повернулась к Изюмову и, вытирая краешком халата потекшую тушь, извиняющимся тоном произнесла:

– Ник, ты не обращай на нас внимания, Галка сегодня просто не в себе. То ли работы слишком много навалилось, то ли бури магнитные.

– Ага, – угрюмо кивнул Изюмов, продолжая стоять в дверях, – тебя, как я погляжу, тоже зацепило. – Ему была совер-

шенно непонятна причина их столь бурного веселья, поэтому он чувствовал себя полным идиотом.

– Не, я так, за компанию. А ты чего хотел-то, анекдот новый рассказать?

– Боже упаси, вам, девчонки, мои анекдоты ни к чему, вам впору успокоительное пить. Просто доброе дело хотел сделать, твою метеозависимую подругу повсюду «папа» разыскивает, она ему еще утром какой-то отчет о конференции обещала, да видать бурей захлестнуло. А у тебя, уважаемая Ульяна Михайловна, в восьмой палате ЧП.

– Что случилось? – Улыбка мгновенно сошла с Улиного лица.

– Подробности не знаю, вроде пациентка какая-то в истерике бьется. Беги скорей, не то Надюха вколет ей что-нибудь на свой вкус, а тебе расхлебывать.

Ульяна пулей вылетела из ординаторской, гадая на ходу, с кем из ее подопечных приключилась беда.

Глава 3

Валерия

– Баю-баюшки-баю, баю Лерочку мою,
Баю маленькую, Баю миленькую.
Месяц ласковый искрится,
В небе кружится жар-птица...

– Нет, бабушка, ты неправильно поешь! – захныкала полусонная Лера. – Мама пела не так!

– Хорошо, детонька, – Александра Аркадьевна склонилась над внучкой и ласково погладила ее по светлой кудрявой головке, – ты главное не волнуйся, просто скажи, как пела мама?

– Месяц ласковый искрится, в небе кружится сон-птица, – тоненьким сонным голоском запела девочка. – Запомнила – «сон-птица»?

– Все запомнила, моя радость, ты спи, спи скорей. – Сердце Александры Аркадьевны снова сжалось от боли и отчаяния, к горлу подступил комок. Но чтобы не испугать внучку, она вот уже в который раз за последние дни взяла себя в руки и, усилием воли подавив готовые вырваться из груди рыдания, снова запела колыбельную, ту самую колыбельную, которую лет двадцать назад пела своей дочке Ниночке, Ле-

риной маме.

— Бабуль, у тебя голос дрожит, — вдруг насторожилась девочка. — Ты что, плачешь? — Лера приподнялась на локте и постаралась в свете тусклого ночника разглядеть бабушкино лицо. Александра Аркадьевна тут же принялась поправлять сбившуюся подушку, чтобы внучка не успела заметить сбегающую по щеке слезинку, но маленькое чуткое сердечко уловило неладное.

В семье как могли старались оберегать семилетнего ребенка от суровой правды, однако за последние несколько месяцев, которые Нина Цветаева почти безвылазно провела в больнице, Лерочка научилась очень тонко чувствовать настроение близких. Когда дела шли на лад и появлялась надежда, бабушка тут же откладывала в сторону медицинские журналы, вновь начинала улыбаться и печь вкусные ватрушки к чаю, папа приходил от мамы довольный, высоко подбрасывал дочь к потолку и долго читал ей на ночь любимую «Пеппидлинный чулок». А в периоды обострения бабушка и папа моментально замыкались, в доме повисала тяжелая гнетущая тишина. Нет, они не забывали о Лерочке, девочка всегда была вовремя накормлена и чисто одета, но именно в такие периоды она чувствовала себя совершенно одинокой, и ей особенно не хватало мамы. Вот и сейчас Лере казалось, будто с бабушкой что-то творится. В последние дни она стала рассеянной, молчаливой, часто замирала на полуслове и подолгу смотрела невидящим взглядом куда-то вдаль.

– Бабуль, скажи правду, что с мамой? Почему она так долго не возвращается?

– Я же тебе уже сто раз говорила, – отводя глаза в сторону, пробормотала Александра Аркадьевна, – они с папой уехали по делам, пока ты поживешь у меня. Разве тебе тут плохо?

– Хорошо, – сонно прошептала Лера, – но очень хочется домой, к маме...

И только когда девочка наконец-то заснула, Александра Аркадьевна дала волю чувствам. Захлебываясь, она рыдала, выла, стонала от горя утраты, от невыносимой душевной боли и от жалости к внучке, которая еще даже не подозревает, какая беда обрушилась на ее хрупкие плечи.

Лерочка родилась ребенком слабым и очень болезненным, поэтому Нина оставила работу и полностью посвятила себя дочери. Отец Леры, Павел Евгеньевич Цветаев, не возражал против такого решения жены, он летал вторым пилотом на аэробусе А-320 в Европу и мог прекрасно содержать семью один. Нина души не чаяла в своей девочке, и Лера привыкла, что мать постоянно находится рядом. Ей не требовалось общество других детей, она не любила их вечную беготню и шумные игры и была готова целыми днями сидеть на коленях у Нины и слушать ее удивительные истории про прекрасных принцесс или рассматривать книги с яркими картинками, которые привозил отец.

– Как она жить-то будет? – вздыхала бабушка, глядя на то, как Лера повсюду неотступно следует за матерью. – Вот

помяни мое слово, вырастет девчонка беспомощной и несамостоятельной.

– Пойми, Нина, твоя любовь калечит ребенка, – выступил наконец в поддержку тещи Павел. – Мы должны помочь Лерочке социально адаптироваться, а для этого необходимо оторвать ее от твоей юбки и отправить в детский коллектив. Надеюсь, ты со мной согласна?

– Согласна, Пашенька, – не привыкшая перечить мужу, прошептала Нина, хотя ее воображение уже рисовало страшные картины того, как более шустрые и самостоятельные дети травят и обижают слабенькую, беспомощную Леру. – Паш, а может, подождем еще годик, пусть хоть немножко окрепнет?

– Никаких может! – Павел решительно хлопнул ладонью по столу, словно ставил точку в конце неприятного разговора. – Все дети ходят в садик, и с нашей принцессой там ничего не случится!

Не прошло и недели, как стараниями Павла Валерия Цветаева получила путевку в старшую группу детского сада № 89, еще месяц ушел на сдачу анализов и оформление медицинской карты. И вот этот день наступил, с огромным трудом Лерочку оторвали от матери и оставили одну среди чужих, совершенно незнакомых ей людей. Первые дни Лера плакала навзрыд, громко и горько, размазывая слезы по худенькому бледному личику и умоляя воспитательницу жалиться над ней и отвести домой, к маме.

– Не волнуйтесь, это вполне закономерная реакция домашнего ребенка на детское учреждение, – со знанием дела заявила Зоя Петровна, воспитательница старшей группы, усталая дама за пятьдесят с печальными, словно потухшими глазами. – Поплачет немного и перестанет.

– А может, она просто не садовская? – робко предположила Нина, у которой сердце разрывалось при виде страдающей дочери. – Бывают же такие дети, я читала.

– Вы, мамочка, поменьше читайте всякую ерунду. – Воспитательница смерила Нину уничижающим взглядом. – Поверьте моему многолетнему опыту, и не с такими справлялись.

Однако случай Лерочки Цветаевой оказался не по зубам даже многоопытной Зое Петровне. Через несколько дней Лера действительно перестала плакать, но на смену слезам пришла полная апатия и безразличие. Девочка целыми днями сидела, молча уставившись в окно, и ждала мать. Она отказывалась идти на прогулку, не давала раздеть себя в тихий час, почти ничего не ела. Павел не на шутку испугался за дочь и, забрав документы, снова посадил ее дома. Так Лера, сама того не подозревая, одержала первую в жизни победу, отвоевала право постоянно быть рядом с любимым человеком. Она словно чувствовала, что должна дорожить каждым часом, каждой минутой общения с мамой, ведь момент, когда им придется расстаться навсегда, был уже близок.

Нинина болезнь прогрессировала быстро, но Павел и

Александра Аркадьевна не теряли надежды. Они меняли врачей, клиники, консультировались у лучших профессоров России, Израиля и Штатов. И даже когда официальная медицина признала свое бессилие, не сдались, а, хватаясь за любую соломинку, продолжали бороться. То возили Нину за тридевять земель к столетней бабке-знахарке, то всеми правдами и неправдами доставали какую-то диковинную китайскую настойку... Но несмотря на все их усилия, Нина таяла на глазах. Не дожив несколько дней до своего двадцатисемилетия, она тихо скончалась во сне.

Павел, сильная личность, решительный, уверенный в себе мужчина, всегда привыкший побеждать, не смог смириться с утратой. Занимаясь организацией похорон и поминок, он еще как-то держался, но, вернувшись поздно вечером в опустевшую квартиру, Павел Евгеньевич Цветаев, никогда раньше не злоупотреблявший спиртным, ушел в долгий, глубокий запой.

– Паша, – умоляла его не на шутку перепуганная Александра Аркадьевна, – посмотри, в кого ты превратился! Пока не поздно, прекрати пить, вернись на работу! Эх, если бы тебя сейчас видела Ниночка!

– Ниночки больше нет, – до того безучастный, Павел поднял на тещу мутные пустые глаза, – нигде нет! Понимаете?!

– Понимаю, все понимаю! Поверь, моя потеря ничуть не меньше твоей! – Александра Аркадьевна хотела взять Павла за руку, но тот дернулся и опять потянулся к бутылке. – У

тебя есть ради чего жить! У тебя есть дочь, Лера. Девочка потеряла мать и сейчас как никогда нуждается в твоей любви и поддержке!

– Нет! – Цветаев со всей силы ударил кулаком по грязному, заляпанному чем-то липким кухонному столу. – Я не хочу ее сейчас видеть!

– Но почему? – Александра Аркадьевна в недоумении уставилась на зятя, она будто не узнавала в этом чужом озлобленном мужчине их обычно спокойного и доброжелательного Павла.

– Как же вы не понимаете?! – Он резко вскочил и, опрокинув стул, бросился к подоконнику, где в большой красивой раме стоял траурный портрет хозяйки дома. – В ней все напоминает мне о Нине. Глаза голубые, словно июньское небо, волосы светлые и непослушные, как у матери, упрямый подбородок... – Его голос предательски дрогнул, желваки напряглись. – А когда она улыбается, на правой щеке появляется ямочка, точь-в-точь Нинина! Я всегда шутил, что Ниночка специально родила дочь по своему образу и подобию, такую же хрупкую и изящную, словно дорогая фарфоровая статуэтка. – Говоря это, Павел бережно водил пальцем по портрету жены, не видя перед собой ничего, кроме своей Нины.

– Ты не можешь так поступить, не имеешь права отказаться от собственной дочери! – Александра Аркадьевна попыталась отобрать у него портрет. – Без тебя Лера попросту

пропадет.

– Не пропадет, – угрюмо бросил Павел, крепко прижав портрет к груди, – вы не дадите ей пропасть...

Первое время после смерти матери Лера очень тосковала, плохо спала ночами, часто просилась домой и мучила бабушку вопросом, почему именно ее мамочку Господь забрал на небо. Но время шло, сложившаяся ситуация уже не казалась ей такой страшной, а гибкая детская психика находила способы адаптироваться к новым обстоятельствам. Лерочка нашла себе новый объект привязанности. Теперь бабушка стала для внучки центром вселенной, единственным источником любви, тепла, надежной защиты и опорой.

Павел же первые два года после смерти жены жил словно в дурном сне. Редко выходил из дому, крепко выпивал, потерял работу. Молодой здоровый мужчина вскоре превратился бы в развалину, если бы не бывшие коллеги, которые нашли хороших врачей, насильно поместили Павла в дорогую клинику, а после длительного курса лечения даже устроили на работу. Конечно, ни о каких полетах не могло быть и речи, за два года, которые бывший пилот первого класса провел в обнимку с бутылкой, его здоровье сильно пошатнулось, но друзья постарались, и под их ответственность Цветаева взяли менеджером в VIP-зал аэропорта «Шереметьево».

Именно здесь он и встретил ее – Аллочку, Аллу Генриховну Сорскую. К моменту встречи с Павлом у нее было все, что нужно приличной женщине для счастья, – точеная фи-

гурка, яркая запоминающаяся внешность, умение ладить с нужными людьми, почти взрослая дочь от первого брака и не слишком обременительная работа. Не было у Алочки только вожеленного статуса замужней женщины, от чего более удачливые подружки смотрели на нее свысока и не упускали случая подчеркнуть, как важно нынче иметь рядом надежное мужское плечо. Поэтому высокий симпатичный сотрудник VIP-зала, который не сводил с Сорской восторженных глаз, сразу привлек ее внимание.

– Извините, мы с вами раньше не встречались? – Павел использовал для знакомства древний как мир способ.

– Вполне возможно. – Алла кокетливо улыбнулась, бросив быстрый взгляд на средний палец правой руки собеседника. – Вы были на последней постановке в Пушкинском – «Мышеловка» по Агате Кристи?

– К сожалению, нет. Честно признаться, лет сто не был в театре.

– Жаль, очень жаль... – Отсутствие обручального кольца придало голосу Аллы особый трепет, улыбка стала более томной и выразительной. – Я играю там мисс Кейсуэлл. Роль, правда, не главная...

– Так вы актриса! – воскликнул Павел, продолжая пожимать женщину восхищенными глазами. – Как же я сразу не догадался?! Теперь я просто обязан увидеть вас на сцене!

– Это можно легко устроить. – Алла потянулась к сумочке, где на такой случай всегда хранилось несколько контра-

марок. – Кстати, на обратной стороне номер моего мобильного, будет желание – звоните.

Павел позвонил Алле на следующий же день, они стали встречаться, а спустя три месяца тихо, без особой шумихи расписались. С переездом Сорская тянуть не стала и сразу после свадьбы вместе с дочерью Эльвирой переехала жить к мужу, в трехкомнатную квартиру на Соколе, где затеяла грандиозный ремонт со сносом стен и установкой джакузи. Свою двушку Алла не продала, «ведь лет через десять Элочка выйдет замуж и захочет жить отдельно», а сдала приличным людям за хорошие деньги – «пусть копят на черный день, ведь нам пока есть на что жить». Павел всегда и во всем соглашался с женой, потакал любым ее прихотям и считал невероятным подарком судьбы то, что такая роскошная женщина, как Алла Сорская, обратила внимание именно на него. После нескольких лет тяжелой депрессии и одиночества он снова обрел любовь и семейное счастье, и только мысли о родной дочери не давали ему покоя, они, словно зловредные черви, подтачивали его изнутри, заставляя ныть и болеть отцовское сердце. Однажды воскресным утром за завтраком Павел набрался храбрости и решился поговорить с женой о Валерии.

– Алл, а может, заберем Леру домой? Ну не век же ей со старухой куковать? – Внешне Павел казался абсолютно спокойным, и лишь слегка подрагивающий голос да нервное движение руки, теребящей бумажную салфетку, выдавали

его волнение. — Они ведь с Элькой почти ровесницы, могли бы подружиться, стать сестрами?.. Как ты считаешь?

На кухне повисла тишина, было слышно, как у себя в комнате с кем-то болтает по телефону Эльвира, а у соседей сверху громко работает телевизор. Павел не сводил напряженного взгляда с Аллы, которая продолжала сосредоточенно размешивать сахар в чашке. «Рано, слишком рано, — мелькнуло в его голове, — я все испортил, нужно было еще немного подождать, дать время привыкнуть...»

Вдруг Аллочка улыбнулась и, отодвинув в сторону чашку, проговорила:

— А что, по-моему, отличная идея, у нас Лерочке будет гораздо лучше.

Павел облегченно выдохнул и, вскочив из-за стола, бросился к жене.

— Какая же ты у меня умница, — тихо прошептал он, нежно обнимая Аллу, — а я-то, дурак, боялся, что ты будешь против.

— Как можно, Паш, Лера же твоя дочь. Только знаешь, это вопрос очень деликатный, мы все должны хорошенько продумать, поэтому давай не будем торопиться...

— Как скажешь, я даю тебе карт-бланш, в таких делах вы, женщины, куда опытнее нас, мужиков...

После этого разговора у Павла словно гора свалилась с плеч, теперь его совесть была чиста и ничто не мешало ему наслаждаться тихим семейным счастьем. Когда придет время, Аллочка все сделает лучшим образом и они заживут

одной дружной семьей, надо только набраться терпения и немного подождать...

Это «немного» растянулось на долгие годы. Нет, Сорская открыто не выступала против переезда падчерицы на Сокол, для этого она была слишком хитра, однако всякий раз находились серьезные и объективные причины, чтобы отложить это событие на неопределенное время.

– Александра Аркадьевна слишком привязана к внучке, мы должны ее хорошенько подготовить, верно, Паш?

– Лерочка часто болеет, а на Тушинской у нее отличный участковый, который ведет ее с самого детства, мы не можем рисковать здоровьем ребенка.

– Лера учится в хорошей спецшколе, сорвав ее в старших классах, мы рискуем испортить ей аттестат, подумай о будущем дочери!

Аргументы Аллы были настолько весомы и бесспорны, что Павел всегда соглашался с женой, а потом... Потом девочка выросла, и необходимость переезда отпала сама собой. Нет, это не значит, что все это время Лера не общалась с отцом, Павел часто звонил ей, регулярно помогал деньгами, изредка Лерочка проводила на Соколе выходные, однако благодаря стараниям мачехи она чувствовала себя там неуютно и так и не стала «своей» в новой семье отца.

Но как известно, жизнь порой преподносит человеку удивительные сюрпризы, и спустя много лет именно Алла Сорская стала инициатором их тесного общения. У Леры,

несмотря на все выпавшие на ее долю испытания, жизнь сложилась вполне удачно (видимо, в небесной канцелярии посчитали, что девочка свое отстрадала). Окончив школу, она поступила на курсы бортпроводников «Аэрофлота», а спустя полгода уже работала на внутренних рейсах. Доброжелательная девушка с хорошей фигуркой, милой улыбкой и отличным знанием английского быстро продвигалась по карьерной лестнице. К двадцати пяти годам Валерия уже летала старшим бортпроводником на Аэробусе 319 в страны Европы, Америку и Китай. Именно во время одного из таких длительных полетов она встретила Вадима Троепольского, молодого перспективного бизнесмена, чья компания давно стала международной и имела филиалы по всему миру. Он сидел в первом ряду бизнес-класса и во время инструктажа не сводил восторженных глаз с очаровательной стюардессы. Хотя чему тут удивляться – из худенькой неловкой девчонки Лера превратилась в настоящую красавицу, высокую, стройную, с царственной осанкой и копной пышных, коротко стриженных волос цвета меда. В тот момент, когда Лера подошла к Вадиму и с очаровательной улыбкой предложила шампанское, он, человек основательный и серьезный, не привыкший жить эмоциями, вдруг понял, что пропал и что если эта прекрасная девушка не станет его женой, он будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Вот так в одночасье, словно Золушка из волшебной сказки, Лера стала женой богатого и влиятельного человека, оставила работу и переехала

из крохотной квартирki в двухэтажный особняк в поселке художников.

А вот судьба Эльвиры, чей покой и благополучие так зорко охраняла Алла, напротив, сложилась весьма неудачно. В восемнадцать она выскочила замуж, быстро развелась и теперь вела разгульный образ жизни, плавно перетекая из одного несерьезного романа в другой. Тут-то Сорская и вспомнила о своем родстве с Лерой и решила, что Элечке будет очень полезно поближе пообщаться со сводной сестрой и ее мужем бизнесменом – как знать, может, в кругу их обеспеченных друзей найдется достойная партия и для нее. На счастье, поселок художников находился в десяти минутах ходьбы от дома Цветаевых, что весьма облегчило Алле задачу. Пару раз она как бы случайно встретила Троепольских, прогуливающих по парку, пригласила их в гости, потом сама заскочила на чай и даже стала вечерами позванивать падчерице, чтобы справиться о самочувствии – ведь та была на третьем месяце беременности. Честно сказать, Лера не испытывала восторга от неожиданно вспыхнувшей любви махехи, но природный такт и старомодное воспитание Александры Аркадьевны не позволяли ей оттолкнуть чересчур навязчивую родственницу. А потом произошло печальное событие, которое еще сильнее сблизило Аллу с Троепольскими. На двенадцатой неделе у Леры случился выкидыш, и Сорская приняла беду падчерицы близко к сердцу, вместе с Вадимом она навещала ее в больнице, разговаривала с вра-

чами, варила куриный бульон, в общем, как могла проявляла участие. Троепольскому было приятно, что кто-то, кроме него, переживает и заботится о его жене, к тому же некоторые вопросы Лере было куда сподручнее обсудить с женщиной. В глазах Вадима из «надоедливой мачехи и неприятной тетки» Алла Сорская превратилась в «друга семьи и незаменимого помощника». Поэтому он ни секунды не сомневался, к кому обратиться за помощью, когда через несколько месяцев после выкидыша у Леры возобновились кровотечения, а по вечерам стала подниматься температура. Алла тут же обзвонила знакомых и убедила Вадима не связываться с новомодными клиниками, а устроить жену к проверенному и надежному Борису Францевичу Нейману. Так Валерия Троепольская оказалась в восьмой палате отделения второй гинекологии Городской клинической больницы.

Глава 4

Ксения

– Какая милиция, Ксюх! Ты не дури и глупостей не болтай! – глядя в глаза подруге, с напором произнесла Лада. – Слышишь меня? Никакое это не воровство. Вот если бы ты кошелек чужой стырила или в карман к кому залезла, тогда другое дело! Да я бы первая тебя позором заклеимила и ментам сдала, не посмотрела бы, что дружим с самого детства! Тебе же, дурехе, в кои-то веки счастье привалило, удача! Может, это божий подарочек, – прикрыв рот рукой, Лада захихикала, – как там говорится – «за труды твои праведные», ну и за примерное поведение. А от такого, сама посуди, грех отказываться!

– Ох, Ладка, не богохульствуй! – одернула подругу Ксения. – Тебе все шуточки, а я чувствую себя настоящей воровкой.

– Ну точно, – делано серьезным тоном заметила Лада, – форменная Сонька Золотая ручка, просто одно лицо, и как я раньше-то не догадалась! – Она со смехом обняла подругу. – Эх, Ксюха, Ксюха, горе ты мое. Другой бы на твоём месте от счастья до потолка прыгал да список покупок составлял, а ты слезы льешь...

– Какой там список покупок! – отмахнулась Ксения. – Я

так не могу, понимаешь, это нечестно, деньги-то чужие...

Девушки сидели в Ладиной комнате, в углу тихо бормотал телевизор, горела настольная лампа, с кухни вкусно пахло ванилью и корицей – это Ладина мама пекла свой фирменный яблочный пирог. Ксения закрыла глаза и на минутку представила, что последних двух часов попросту не было в ее жизни, ей все померещилось, привиделось в страшном сне. Сразу после оглашения результатов ЕГЭ она не побежала в свой любимый парк, чтобы немного побыть одной, помечтать о будущем и еще раз проштудировать залистанный до дыр справочник для поступающих в вузы Москвы, нет, она сразу, как и договаривались, помчалась к лучшей подруге. Вот они сидят, закрывшись в Ладкиной комнате в предвкушении яблочного пирога, слушают музыку, выбирают фасон для выпускного платья, и нет никаких денег, никаких страхов и терзаний. Боже, как хорошо и спокойно...

– Ксюх, ты что, заснула? – Лада больно толкнула подругу в бок, тем самым вернув ее к реальности, и деловым тоном скомандовала: – Знаешь что, расскажи-ка ты мне все с самого начала, подробно и по порядку! Итак, после объявления результатов ЕГЭ ты отправилась в парк...

– Да, ребята решили отметить это дело в кафе, но у меня не было настроения идти с ними. Представляешь, Зоя Павловна сказала, что я лучшая, лучшая во всей параллели, а может быть даже за последние несколько лет! Что меня ждет большое будущее и что сам ректор Поморского университе-

та хочет поговорить со мной.

– Кто бы сомневался, – фыркнула Лада, – таких батанов еще поискать надо!

– Ты не представляешь, от слов директрисы мне просто голову снесло, захотелось побыть одной, все хорошенько обдумать, взвесить. Мысли роились в голове, словно взбудораженные пчелы. Как быть, послушаться маму и поступать на вечернее здесь в Архангельске или все-таки рискнуть и рвануть в Москву? Знаешь, Лад, меня всю трясло от возбуждения, казалось, что решение надо принять сегодня, именно сейчас, что от этого зависит вся моя дальнейшая жизнь. На какое-то время я совершенно забыла обо всем, о маме, о Маруське, о своих обязательствах перед ними, думала только о будущей красивой жизни в столице и об учебе в МГУ, на меньшее на тот момент я была не согласна. Ну скажи, разве это не безумие? Не бредовая идея? – Ксения уставилась на подругу, ожидая от той поддержки.

– Представь себе нет, – решительно отрезала Лада. – Кому тогда учиться в университете, если не тебе?! Ладно, об этом потом, дальше давай.

– А что дальше? – Ксения уныло пожала плечами. – Я тебе уже говорила... Прогулка пошла мне на пользу. Бесцельно бродя по пустынным аллеям, я потихоньку спускалась с небес на землю, эйфория от красивых слов директрисы прошла, я смогла снова мыслить здраво. Ну куда я отсюда уеду, на кого оставляю маму, Марусю? И самое главное, на какие

шиши? Допустим, на билет Архангельск – Москва я еще наскребу. Бог с ним, с выпускным платьем, обойдусь, а дальше-то что? В Москве мне надо где-то жить, что-то есть, в общем полнейшая утопия...

– Ксюх, не томи! – одернула подругу Лада. – Переходи уже к основной части марлезонского балета.

– В общем, когда я выходила из ворот парка, решение было принято. Остаюсь в Архангельске, поступаю на вечернее, ищу работу, и тут...

– Стоп! – прервала ее Лада. – С этого момента поподробнее. Ты подошла к автобусной остановке...

– Вернее будет сказать – подползла, – хмыкнула Ксения, – приподнятое настроение сменились апатией и усталостью, ноги гудели. Лавка на остановке оказалась испачкана краской, и тогда я просто опустилась на корточки. И вдруг увидела под ногами что-то черное, напоминающее мужское портмоне. Я протянула руку и подняла потрепанный кожаный кошелек. Знаешь, Лад, у меня и в мыслях не было присваивать чужое, просто там могли быть какие-то документы или визитки, по ним я смогла бы определить владельца.

– Прекрати оправдываться, – буркнула Лада, – будто я тебя не знаю. Ты скорее свое отдашь, чем чужое возьмешь, маляхольная, одним словом... Так документов в кошельке не оказалось, только деньги, верно?

– Верно! – прошептала Ксения. – Много денег, целая пачка! И как назло, вокруг ни души, видимо, автобус недавно

ушел, а следующий только через полчаса...

– Значит, на остановке тебя никто не видел? – уточнила Лада.

– Нет, точно никто, я ведь как кошелек нашла, тут же бросилась бежать. Хотела сразу в милицию, но потом передумала, решила сначала с тобой посоветоваться.

– И правильно сделала! – Лада старалась говорить спокойно и убедительно. – Ты, Ксюх, пойми, владельца этих денег все равно не найти, а для тебя это шанс, может быть, единственный в жизни. Езжай в Москву, поступай в свой университет, учись и становись великим ученым, а маме с Марусей ты и из Москвы сможешь помогать, уж там возможностей побольше, чем в нашем захолустье...

Всю следующую ночь Ксения не спала. Ее терзали муки совести, одолевали сомнения, а деньги, спрятанные под матрасом, жгли спину. С трудом дождавшись утра, она помчалась в храм Всех Святых за стадионом на улице Суворова в надежде успеть до утренней службы поговорить с батюшкой, уж он-то точно вправит ей мозги и научит, как правильно распорядиться найденным богатством. Отец Владимир хорошо знал всю семью Астаховых. Когда семь лет назад брошенная мужем и обиженная на весь белый свет мать Ксении Надежда пришла в этот храм (не по зову сердца, а просто потому, что идти больше было некуда), именно отец Владимир помог ей обрести веру, веру в Бога, в людей, в собственные силы. С тех пор церковь стала для Надежды вторым домом,

только здесь она чувствовала себя спокойно и защищенно, здесь у нее были друзья, сюда же она привела своих дочерей – девятилетнюю Ксению и трехлетнюю Марусю – в надежде, что Господь будет щедр и милостив хотя бы к ним. Отец Владимир сразу заметил умненькую, не по годам развитую Ксюшу и старался уделять ей как можно больше внимания, ведь девочка росла без отца, а мать целыми днями пропадала на работе. В свободные часы он вел с ней долгие серьезные беседы обо всем на свете: о Боге, о Вере, о любви и справедливости, и именно к его мнению Ксения прислушивалась и считала истинно верным.

– Ксюша?! – Отец Владимир очень удивился, увидев девушку в столь ранний час перед Тихвинской иконой Божьей Матери. – Что-то случилось? С Марусей или с мамой?

– Нет, с ними все в порядке, просто... – Она замялась, пальцы нервно теребили край наспех повязанного платка, – видите ли, отец Владимир, мне очень нужно поговорить с вами. Вы могли бы уделить мне немного времени? Я понимаю, служба...

– Давай-ка мы с тобой, Ксюшенька, для начала присядем, в ногах правды нет. – Отец Владимир видел, насколько расстроена и встревожена девушка, он взял ее за руку и подвел к укромной скамейке в дальнем уголке храма. – Тут нас никто не потревожит, рассказывай...

Слушая сумбурный и сбивчивый рассказ Ксении, отец Владимир думал о том, какая судьба ждет эту умненькую и

одаренную девушку дома, в Архангельске. Измученная вечным безденежьем Надежда наверняка не даст ей поступить в университет, попросит поработать годик-другой, чтобы хоть как-то свести концы с концами, она по доброте душевной согласится и взвалит на себя заботы о младшей сестренке и маме. Бытовая рутина затянет ее с головой, лучшие годы будут упущены, а Богом данный талант пойдет прахом...

– В общем, вот они, эти деньги, заберите! – Ксения растегнула простенький дерматиновый рюкзачок, висевший у нее на плече, и достала оттуда злополучное портмоне. – Пусть они пойдут на благое дело, и умоляю... – она подняла на батюшку полные слез глаза, – не судите меня строго, но был момент, когда я чуть не присвоила их себе, а ведь воровство – великий грех!

– Все верно, воровство – это грех, – после небольшой паузы неторопливо проговорил отец Владимир, – но разве ты воровала? – Он будто не замечал протянутой руки с кошельком. Он смотрел девушке прямо в глаза и видел в них удивление, испуг и смятение. – Ты хочешь, чтобы деньги пошли на благое дело?

– Да, – неуверенно кивнула Ксения, все еще не понимая, к чему ведет батюшка.

– Тогда бери их, езжай в Москву и поступай в университет. Господь дает тебе шанс, не упusti его!

– Я не могу! – От изумления она чуть не выронила кошелек из рук. – Не имею права...

– Ты не имеешь права зарывать в землю свой талант, – назидательно произнес отец Владимир, – поэтому спрячь деньги и делай, что я говорю.

– А как же мама, Маруся? Как они без меня?

– За них не волнуйся, о твоей семье мы позаботимся...

Так Ксения Астахова, совершенно неожиданно для самой себя, оказалась в поезде Архангельск – Москва, который увез ее из родного дома в светлое будущее...

Приемная комиссия экономического факультета МГУ встретила Ксению гомоном и суетой. По широким коридорам третьего учебного корпуса на Воробьевых горах с озабоченными лицами сновали толпы абитуриентов, чьи мысли были заняты только одним – любой ценой взять эту неприступную цитадель и стать своим в старейшем храме науки.

При виде такого количества поступающих Ксюша застыла в недоумении. «Батюшки святы, неужели они все на экономический? – с ужасом думала она, стоя в самом центре оживленной, весело гудящей толпы. – Может, пока не поздно – домой? Если потороплюсь, еще успею на вечерний поезд, но ведь тогда придется навсегда распрощаться с мечтой об учебе в Москве, второго шанса мне никто не даст...»

– Эй, ты чего, заснула? – Худенькая темноволосая девушка вернула Ксюшу к реальности, больно ткнув ее локтем в бок. – Освободи дорогу, дома спать будешь!

– Простите, пожалуйста, задумалась, – извиняющимся тоном пробормотала Ксения, отступая назад, – такое количе-

ство народу просто ввело меня в ступор.

– Не местная, что ли? – уже более дружелюбно поинтересовалась девушка.

– Ага, из Архангельска, а что – так заметно?

– Свояк свояка видит издалека. Тебе документы подать?

– Да, на экономический.

– О, коллеги! Тогда марш за мной. Кстати, я Ира, а тебя как звать?

– Ксения... Ксения Астахова.

– Не дрейфь, Ксюха, прорвемся! Ты, главное, держись по-увереннее и не тушуйся, тут на одного москвича трое приезжих приходится, так что мы их численностью возьмем, – и, подхватив Ксению под руку, девушка решительно направилась в сторону приемной комиссии экономического факультета МГУ.

– Ну вот и все, а ты боялась, – убирая папку с документами в рюкзак, Ира бросила быстрый взгляд на часы, – о черт, опять опаздываю, ладно, Ксюх, пока, скоро увидимся.

– погоди, Ир, я тебе очень благодарна. Знаешь, ведь от всей этой суеты у меня уже появилась подленькая мыслишка сбежать домой, и если бы не ты...

– Ладно тебе, – отмахнулась Ирина, – оставь при себе свои благодарности, это я теперь такая шустрая, а в прошлом году после провала сама чуть не рванула обратно в Воронеж. Спасибо тетке, быстро мозги вправила. Слушай, а тебе сейчас куда? Давай по дороге поговорим?

– Мне... – Ксения растерялась. – Да вроде некуда...

– погоди, ты где остановилась? У тебя родственники в Москве есть?

– Неа.

– Во дела! Где ж ты ночевать собираешься?

– Еще не решила. Может, на вокзале...

– Ага, до первого мента, – саркастически заметила Ирина и, тяжело вздохнув, пробормотала: – Свалилась же ты на мою голову, ума не приложу, что с тобой делать. К тетке нельзя, у нее всего одна комната, да и сама я живу там на птичьих правах...

– Ты за меня не волнуйся, беги, я как-нибудь устроюсь, – пролепетала Ксения, которой было очень неудобно нагружать своими проблемами эту совершенно незнакомую, но такую отзывчивую и чуткую девушку. – У меня деньги есть, пойду поищу недорогую гостиницу...

Но Ирина словно не слышала робких возражений новоиспеченной подруги, она была погружена в свои мысли. Неожиданно ее лицо расплылось в широкой улыбке.

– Придумала! – завопила она. – Я все придумала! Мы устроим тебя на работу. Так, быстро хватай сумку, и рвем в агентство, да пошевеливайся, копуша, они через полтора часа закрываются.

– На какую работу? Кем? – Ничего не понимающая Ксюша все же поддалась напору Ирины и, перебросив через плечо сумку с нехитрыми пожитками, рванула к метро, пытаясь на

ходу выяснить подробности.

— Да какая разница кем — няней, домработницей, кухаркой... Кстати, ты готовить умеешь? Хотя это неважно!

— А что же, по-твоему, важно?

— Важно, — Ирина притормозила и подняла вверх указательный палец, — чтобы хозяева искали службу с проживанием...

Из агентства по подбору персонала, где вот уже почти год Ира Морозова трудилась почасовой няней, девушки вышли только вечером, усталые, но очень довольные. В кармане у Ксении лежала заветная бумажка с адресом и телефоном Маргариты Владимировны Колосовой, которая за существенную скидку согласилась взять будущую студентку к себе в домработницы и даже пообещала выделить ей отдельную комнату.

Поздно вечером, засыпая в чужой кровати, в доме совершенно незнакомых людей, в огромном, не щадящем провинциальных простушек городе, Ксения пыталась осознать произошедшее. Неужели она все-таки сделала это, добралась до Москвы, сдала документы в университет и даже нашла работу и крышу над головой? Ей с трудом верилось, что она, домашняя девочка из далекого Архангельска, вскоре станет студенткой лучшего вуза страны и у нее начнется новая, полная событий, взрослая жизнь. «А ведь я, как Михайло Ломоносов в юбке, — практически проваливаясь в сон, с улыбкой подумала Ксюша, — приехала покорять Москву с малень-

ким чемоданчиком и кучей амбиций. Хорошо хоть, в отличие от моего великого земляка, мне не пришлось добираться до столицы пешком. Все-таки что ни говори, спустя почти три столетия человеку стало куда проще идти к заветной мечте...»

Глава 5

Дела больничные

В дверях восьмой палаты Ульяна столкнулась с Надеждой Ласточкиной, молоденькой медсестрой, всего год назад окончившей училище. Больше всего на свете Наденька боялась показать свою некомпетентность, поэтому часто совершала глупые промахи и ошибки, которых легко можно было бы избежать, посоветуясь она со старшими товарищами.

– Ульяна Михайловна! Я думала, вы уже ушли, время-то шестой час, – голос Надежды звучал испуганно, – знай я, что вы в больнице... Это мне Абрам Семенович велел...

– Все потом. Что случилось?

– Тут Астахова сцену устроила, плакала, рыдала...

– Ясно. Вколола что?

– Как обычно, диазепам внутривенно. Что, зря? Ульяна Михайловна, не надо было? Ну так она орала на весь этаж...

Молча отодвинув в сторону растерянную медсестру, Караваяева шагнула в палату.

– Посторонние, освободите помещение, пожалуйста! – строго скомандовала она, окидывая быстрым взглядом притихших посетителей. Неожиданно одно лицо показалось ей до боли знакомым.

– Леля! – не удержалась она от возгласа. – Ты что здесь

делаешь?

– А я боялась, не узнаешь. К тебе сегодня подругу мою положили, Варвару Воронцову, вот пришла навестить.

– Как тесен мир! Посиди в коридорчике, освобожусь – поболтаем.

Дождавшись, когда все родственники выйдут и в палате останутся только пациентки, Ульяна присела на краешек кровати Ксении. Девушка лежала лицом к стене, она уже не плакала, но дыхание ее было тяжелым, плечи изредка подрагивали, а из груди время от времени вырывались сдавленные всхлипы.

– Ксения! – Ульяна коснулась ее плеча. – Вы меня слышите?

Ответа не последовало.

– Да без толку все это, Ульяна Михайловна, – не удержалась Катерина, – спит она. Ей как Надька укол вкатил, она почти сразу отключилась.

– Понятно. Ну тогда, может, вы мне расскажете, что тут произошло? – Уля обвела подозрительным взглядом троих соседок Ксении по палате. – Кто довел Астахову до такого состояния?

– Это все та тетка! – тут же выпалила Катерина. – Она уже навещала Ксюшу в первый день, как только ее к нам положили. Пришла вся расфуфыренная, будто не в больницу, а на прием к английской королеве, так Ксюха с ней разговаривать отказалась, отвернулась к стенке и молчок. А сегодня,

смотрю, она снова пожаловала, села на кровать, наклонилась и давай что-то на ухо Астаховой нашептывать. Та слушала, слушала, а потом как вскочит, да как начнет рыдать. Тетка струхнула, с кровати прыг и к дверям, стоит, с Ксюхи глаз не сводит и все твердит: «Одумайся, пока не поздно, это же в твоих интересах». Ну а как Ксюша в истерике биться начала, она тут же ходу из палаты, и правильно сделала, наша-то тихоня ей вслед стаканом запустила. На шум Амбрам Семенович прибежал, он, кстати, с той дамой в дверях столкнулся, и по-моему, они даже о чем-то поговорили в коридоре, хотя... – Катерина задумалась, – может, мне это и померещилось, гул в палате стоял страшный – Ксюша рыдает, родственники охают, мы с девочками в полном шоке...

– Спасибо, Катя, все понятно, – устало прервала словесный поток Ульяна Михайловна, а про себя подумала: «Будь на то моя воля, запретила бы все посещения родственников, от них никакой пользы, один только вред и сплошная антисанитария».

Она снова повернулась к Астаховой. Дыхание девушки выровнялось, пульс замедлился, всхлипы прекратились, пациентка крепко спала. «Зря успокоительное вкатили, – поморщилась Ульяна, – не люблю я эти транквилизаторы, достаточно было просто удалить из палаты источник раздражения. Однако странно: Ксения показалась мне вполне уравновешенной особой, из чего вдруг такие выходки?» Ульяна Михайловна отлично помнила, как несколько дней назад по

«скорой» с подозрением на апоплексию яичников к ним поступила восемнадцатилетняя Астахова. В тот вечер Ульяна как раз дежурила и потому лично осматривала девушку. Караваева обладала практически фотографической памятью, и сейчас, стоило ей прикрыть глаза, она словно видела перед собой медицинскую карту пациентки. Ультразвуковое исследование подтвердило наличие небольшого количества жидкости в животе, а самое главное, у Астаховой обнаружилась редкая аномалия – отсутствие одного яичника, о таком Ульяна читала только в учебниках, на практике же столкнулась впервые. «При гинекологическом осмотре – слизистые оболочки нормальной окраски, матка обычных размеров, на стороне апоплексии пальпируется болезненный, слегка увеличенный яичник. Своды влагалища нависают, тракции за шейку матки резко болезненны. В клиническом анализе крови отмечается снижение уровня гемоглобина и незначительное увеличение лейкоцитов. Диагноз: апоплексия яичника, средняя форма. Показано консервативное лечение и наблюдение». Ульяна собственноручно сделала эту запись в медицинской карте пациентки, но сейчас, глядя на девушку, ее почему-то стали терзать сомнения. Эти сомнения не имели каких-либо оснований и логического объяснения, просто странное чувство, которое кто-то называет интуицией, а кто-то – профессиональным чутьем, вдруг заставило Ульяну усомниться в собственном решении. «У нас она третий день, – размышляла Караваева, не спуская глаз с мирно спящей де-

вушки, – консервативное лечение идет полным ходом, а боли не прекращаются. Правда, курс еще не закончен... – Пальцы доктора нервно барабанили по столу. – В любом другом случае ни за что не стала бы тянуть, с такими показаниями только резать, но тогда своих детей у нее уже не будет... Ладно, – наконец решилась Ульяна, – за ночь ничего не случится, а утром во время обхода покажу ее Нейману...»

– Ну-с, а как ваши дела? – Ульяна повернулась к Валерии: – Температуру измерили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.